

Роксолана

Откровеннее и правдивее, чем сериал «Великолепный век»!

Настуся и Степан готовились к свадьбе, но судьба распорядилась иначе. Набег татарской конницы — и Настуся оказалась в гареме султана Сулеймана.

Интриги наложниц, тайны и заговоры — все это казалось девушке кошмарным сном. Она не знала, что именно здесь — ее судьба. Одного взгляда наложницы хватило, чтобы разжечь в сердце султана страсть, которую не смогли погасить годы.

Ради нее он нарушил вековые традиции: рабыня стала женой, ее дети — наследниками престола. Какой же тайной владела эта женщина?

Осун Назарук

Роксолана

МАЛЕНЬКАЯ РАБЫНЯ, ВСЕМОГУЩАЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА

КИНЕ
СЕРИЙНОГО
ПРОЕКТА

Осип Назарук

Роксолана

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2013

© Ю. Н. Кочубей, вступительная статья, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

ISBN 978-966-14-5463-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

При дворі султана її називали «хассеке Хуррем», тобто «мати спадкоємця престолу» й «та, яка дарує радість» — Європі вона відома під ім'ям Роксоляна. Настусю, полонянку з України, купили на одному з незліченних невольницьких ринків Османської імперії для гарему султана Сулеймана Пишного. Їй вдалося стати улюбленою дружиною повелителя і приворожити його так, що він кинув до її ніг усю свою державу...

Назарук О.

Н19 Роксолана : роман / Осип Назарук ; пер. с укр. А. Климова ; вступ. ст. Ю. Кочубея ; прим. О. © Ю. Н. Кочубей, вступительная статья, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2013

Назарука. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2013. — 416 с.

ISBN 978-966-14-5185-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2414-3 (Россия)

При дворе султана ее называли «хасеки Хуррем», то есть «мать наследника престола» и «та, которая дарит радость» — в Европе она известна под именем Роксолана. Настуся, пленница из Украины, была куплена на одном из многочисленных невольнических рынков Османской империи для гарема султана Сулеймана Великолепного. Ей удалось стать любимой женой повелителя и приворожить его настолько, что он бросил к ее ногам всю свою державу...

УДК 821.161.2

ББК 84.4УКР-РОС

Вступительная статья кандидата филологических наук, ведущего научного сотрудника Института востоковедения имени А. Е. Крымского НАН Украины *Юрия Кочубея*

Примечания *Осипа Назарука*

Перевод с украинского *Андрея Климова*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Наталии Коноплич*

Дизайнер обложки *Наталия Коноплич*

Роксолана: судьба, образ, символ

В наши дни мы стали свидетелями всеобщего увлечения именем Роксоланы: его носят не только сорта водки и груш, ансамбли и трио, но и крейсерская яхта, и внешнеторговое объединение; оно звучит в современной украинской поп-музыке и изобразительном искусстве. Роксолана стала главной героиней оперы А. Костина и мюзикла С. Галябарды и А. Святогорова. Имя это превратилось в экзотический символ, но и не без налета патриотизма, и это, вероятно, связано с влиянием произведений живописи и литературы, за которыми стоит прототип — реальная женщина с необычной судьбой.

Явление это можно объяснить также и ростом общественного интереса к истории Украины после провозглашения ее государственной независимости, и появлением целого ряда научных, научно-популярных и художественных произведений, посвященных жизненному пути прославленной жены султана Сулеймана Великолепного или связанных с ее эпохой. Широкая публика благосклонно приняла и телевизионный сериал «Роксолана» — образец украинского ориентализма[1].

Однако такого пояснения недостаточно. Судьба Роксоланы обычна и в то же время исключительна. Обычна для своего времени: молодая красивая девушка попадает в татарский полон, затем ее продают на невольничьем рынке в гарем султана, что связано не только с ее внешними данными, но и с умением их продемонстрировать. Подобных судеб были тысячи, десятки тысяч по всему Востоку. Однако в истории, и не только Османской империи, осталось только одно имя — Роксолана. Поповна из Рогатина получила его в связи со своей национальной принадлежностью не то от купцов-работорговцев в Кафе, не то уже в султанском гареме, где поначалу исполняла скромные обязанности рукодельницы.

Сведения о ее происхождении скупы. Само имя Роксоланы и свидетельства дипломатов итальянских торговых городов-государств указывают на то, что она «gossa», то есть русинка[2], тогда как польские авторы[3] уточняют, что она родом из Рогатина или его

окрестностей, получила при крещении имя Александра и являлась дочерью священника Лисовского. Тем не менее, несмотря на четкие указания европейских дипломатов-современников, до сих пор выдвигаются различные версии относительно национальной и сословной принадлежности Роксоланы — то она якобы дочь польского аристократа или крымского хана, то немка, итальянка или даже француженка. Один из французских авторов назвал ее «московской девушкой», итальянская исследовательница — белорусской[4], а причина всего этого — чисто лингвистическая путаница: в большинстве языков Западной Европы слова «Россия» и «Русь» обычно не различаются на письме, хотя для последней издавна существует латинизированное наименование «Рутения».

Исключительность судьбы Роксоланы заключается в том, кем она стала, в ее роли в истории. Эта фигура занимает прочное место в истории Турции, и ее невозможно ни вычеркнуть, ни каким-то образом обойти — независимо от того, негативно или позитивно оценивается ее влияние на деятельность одного из самых выдающихся правителей Османской державы — Сулеймана Великолепного, которого чаще именовали Сулейманом Законодателем. Именно при нем Османская империя достигла апогея величия. Следует также иметь в виду, что все это происходило на Востоке, где женщина играла в обществе строго определенную роль, исключавшую всякое вмешательство в государственные дела.

Роксолана привлекла внимание европейских политиков и литераторов еще при жизни. Первые свидетельства о ней проникли на Запад из писем и докладов венецианских, генуэзских, дубровникских и австрийских дипломатов в Стамбуле[5], затем о Роксолане узнали во Франции, известна она была и в Польше (М. Литвин, С. Твардовский). Она даже переписывалась с польским королем, который в те времена являлся также королем украинских земель.

С самого начала оценки ее влияния на политику Османской империи были неоднозначными. Критические, а порой и откровенно негативные высказывания западных дипломатов были связаны с тем, что Роксолана, как считали в то время, поддерживала завоевательные устремления своего мужа, султана, в Западной Европе. При этом следует учитывать, что все обвинения Роксоланы в коварных замыслах и намерениях опираются не на факты, зафиксированные в документах,

а на слухи, сплетни и домыслы. Фактом остается то, что экспансия турок-османов в период правления Сулеймана Великолепного действительно была ориентирована на Запад, они стремились, захватив Вену, утвердиться в Центральной Европе, а также подчинить всю средиземноморскую торговлю своим интересам. Не удивительно, что дипломаты, которым в этот период приходилось довольно туго, создали миф о Роксолане как холодной интриганке, разрушительной силе и даже колдунье, «опоившей» и «околдовавшей» султана. Кстати, как свидетельствуют исторические документы, таким же образом в Московской державе воспринимали византийскую принцессу Зою (Софию), жену великого князя московского Ивана III, которую сочли интриганкой и колдуньей[6].

Стремительное возвышение Роксоланы при дворе и ее очевидное влияние на государственные дела империи, на решения султана вызывали зависть и недовольство определенной части стамбульского «истеблишмента». Но до сих пор исследователи, в основном из-за недостатка источников, не могут прийти к определенным выводам относительно характера Роксоланы и ее роли в истории Османской империи.

Судьба пленницы, которая непостижимым для окружения образом превратилась, говоря современным языком, в «первую леди», так как Сулейман, вопреки традиции, официально вступил в брак с нею в соответствии с предписаниями ислама, вызывала острое любопытство в Западной Европе. К тому же, там в это время в связи с османской экспансией вновь начал возрождаться интерес к Востоку, угасший было после неудачных Крестовых походов. Восточные персонажи начали появляться в произведениях прежде всего французских писателей — это было связано с активизацией французской внешней политики на Ближнем Востоке в эпоху правления короля Франциска I. Драматические, а подчас и трагические события в Турции, так или иначе связанные в XVI столетии с Роксоланой, становились благодатным материалом для писателей.

В 1561 г. во Франции появилась первая трагедия на сюжет из османской истории — «Султанша» Габриэля Бунена (1535—1604) — одна из первых «образцовых» трагедий в истории французской литературы[7]. За ней последовала новелла Жака Ивера (1548—1572) на ту же тему. Эти произведения проложили путь целому

«ориентальному» направлению. Большое влияние на дальнейшую разработку темы судьбы Роксоланы в литературе имел написанный на латыни труд Ж.-Ж. Буассара «Жизнь и портреты турецких султанов, персидских князей и других славных героев и героинь, от Османа до Мухаммеда II» (1596), на страницах которого Роксолана получила резко негативную оценку. О влиянии Роксоланы на султана еще в 1545 г. писал также итальянец Бассано ди Зара. Не меньшее значение для формирования образа Роксоланы в западноевропейской литературе имело появление в Италии в 1619 г. трагедии «Сулейман», созданной известным драматургом Просперо Бонарелли делла Ровере (1582—1659). Несмотря на стилистические небрежности, эта трагедия быстро приобрела популярность и получила известность в других странах Запада.

В 1637 г. творение делла Ровере перевел на французский известный литератор Шарль Вион д'Алибре (1600—1652), и оно оказало глубокое влияние на судьбу образа нашей героини во Франции[8]. Одно за другим появляются на свет драматические произведения и романы, в которых в числе действующих лиц оказывается Роксолана (нередко под усеченным именем Роксана), и повсюду она затевает интриги и плетет заговоры, которые заканчиваются трагично.

Так, Жан Мере (1604—1686) в 1639 г. создает пьесу «Великий и Последний Сулейман, или Смерть Мустафы». Жан де Сан-Сорлен Демаретц (1595—1676) пишет трагикомедию «Роксана» (1639) и публикует первую часть романа под тем же названием (ок.1640). Отдали дань ориентальному жанру и более известные литераторы — брат и сестра Жорж (1601—1667) и Мадлен (1607—1701) де Скюдери. Их героем стал великий визирь Ибрагим-паша, государственный деятель, немало сил приложивший для сближения Франции с Турцией и, по слухам, павший жертвой интриг Роксоланы. Созданный братом и сестрой в соавторстве роман «Знаменитый паша, или Ибрагим» (1641) пользовался успехом у читателей, а позднее, как тогда было модно, Жорж де Скюдери по мотивам романа написал трагикомедию (1643) под тем же названием. Один из персонажей прославленной и до сих пор популярной трагедии Жана Расина (1639—1699) «Баязет» (1672) носит имя Роксана и также имеет немало черт, позаимствованных у созданного другими авторами образа Роксоланы[9].

В конце XVII в. увидела свет трагедия «Сулейман» (1680), автором которой считают актера Ла Тюильри. В работе над трагедией ему помогал драматург Гаспар Аббей (1648—1718), а по некоторым сведениям, именно он и является автором этого произведения. «Сулейман, или Великодушная рабыня» — так называлась трагедия Жаклена, увидевшая свет в 1653 г., а Н. Дефонтен в 1644 г. опубликовал пьесу «Персида, или Продолжение Ибрагима-паши».

В XVIII в. интерес к эпохе Сулеймана Великолепного и Роксоланы не угасает, о чем свидетельствует появление двух трагедий, посвященных судьбе сыновей великого султана. Обе носили название «Мустафа и Зеангир» (так во французской транскрипции звучит имя младшего из сыновей Роксоланы — Джахангира). Первая (1705) принадлежала перу Франсуа Белена, а автором второй (1776) был Николя де Шамфор (1740—1794), прославившийся своими «Максимами и мыслями». О Роксолане писал также известнейший драматург и автор эссе Ж.-Ф. Мармонтель (1723—1799).

Таким образом, имя Роксоланы на протяжении всего XVIII столетия не сходило с театральных афиш Парижа. В сокращенном варианте «Роксана» оно стало популярным у многих французских авторов: помимо Ж. Расина, им воспользовались Ш. де Монтескье в «Персидских письмах» (1721) и Эдмон Ростан в драме «Сирано де Бержерак» (1897). В XIX в. такие выдающиеся писатели, как А. де Ламартин и Ж. де Нерваль, публикуя свои записки о путешествиях по странам Востока, не забывали включить в них легенды и домыслы, связанные со знаменитой султаншей. В 1930 г. в Париже вышла книга Ф. Дауни «Сулейман, султан Турции», в которой автор немало страниц уделил Роксолане.

Мотивы биографии нашей соотечественницы проходят через ряд романов современных авторов — это, прежде всего, «Ночь сераля» М. де Греса (1982), «Мамлюк» Р. Соле (1996) и «Роксана, или Прыжок Ангела» Дж. Б. Нагаи (2000).

Французский язык, еще в XVI в. сменивший в Европе латынь в качестве языка международного общения, способствовал «экспорту» образа Роксоланы в образованные круги других стран. Интересно, что этот образ запечатлен и в самом французском языке: в одном из старых словарей зафиксирован фразеологизм *nez à la Roxelane*, что означает «слегка курносый».

В Англии, в особенности после появления «Истории турок» (1603) Р. Ноллеса (1550—1610), эпоха и имя Роксоланы также нашли свое воплощение в литературе. К числу самых ранних произведений на эту тему относится трагедия Н. Ли (1649—1692) «Королевы-соперницы» (1677), а также опера У. Д'Эйвенанта (1606—1668) «Осада Родоса» (1656), посвященная победе Сулеймана Великолепного над рыцарями — защитниками острова. Но наибольшая слава выпала на долю трагедии «Мустафа» (1665), которую на основе «Ибрагима-паши» де Скюдери создал Р. Бойл, граф Оррери (1621—1679). В этом произведении Роксолана представлена демонической женщиной, погубившей принца Мустафу. Даже через 70 лет после создания эта трагедия с успехом шла на сцене лондонского театра «Друри-Лейн»[10]. Именем «Роксана» наделил Д. Дефо амбициозную авантюристку, героиню романа «Счастливая куртизанка, или Роксана» (1724). Она одевается на турецкий манер, танцует восточные танцы и буквально завораживает чопорных британских джентльменов[11].

И в наши дни Роксолана не обойдена вниманием английских историков — об этом свидетельствует множество публикуемых ими трудов об эпохе расцвета и упадка Османской империи.

В польской литературе также нашлось место для Роксоланы. В частности, именно из поэмы С. Твардовского (1595—1661) «Преславное посольство светлейшего князя Кшиштофа Збаражского от Сигизмунда III к могущественному султану Мустафе» (1633), автор которой в 1621 г. побывал в Стамбуле, стало известно о том, что Роксолана — дочь священника из Рогатина. В XIX в. о ней много писали польские историки Ю. Немцевич, Ж. Паули, также были опубликованы письма Роксоланы к королю Сигизмунду II Августу и многочисленные комментарии к ним[12]. М. Гославский (1802—1834) изобразил ее в своей поэме «Подолье» (1827), указав, что Роксолана якобы родом из села Чемеривцы на Подолье[13].

В 1930 г. в краковском журнале «Ilustrowany Kurier Codzienny» появилась «захватническая» статья Т. Билинского, озаглавленная «Хасеки, полька на троне султанов»[14]. Против этой публикации немедленно выступила с жесткими возражениями украинская пресса во Львове. Нечто подобное повторилось и в 1951 г., когда польская эмиграционная газета «Narodowiec» поместила аналогичную

публикацию. С опровержением немедленно выступила пресса украинской диаспоры[15].

В русской литературе XIX в. к образу Роксоланы первым обратился плодовитый, но малоталантливый драматург Н. Кукольник. В его пятиактной драме в стихах «Роксолана» (1835) абсолютно проигнорированы уже известные в то время исторические факты, а характер главной героини выстроен в духе известных французских образцов — она интриганка, не лишенная, впрочем, материнских чувств.

Немецкая литература отдала дань Роксолане одноименным романом писателя Й. Тралов (1882—1963), публиковавшего свои книги под псевдонимом Ханс Лов. Эта книга была первоначально издана в Швейцарии (1942), а затем в Германии (1944).

Известнейший австрийский писатель Л. фон Захер-Мазох (1836—1895) в своих «Женских образках с Галичины» также не мог не упомянуть Роксолану. Вот что он писал о ней: «Была она дочерью одного галицкого священника, та Роксолана, которую Расин прославил в «Баязете», та славянка, что сделала своим рабом Сулеймана Великолепного и возвысилась до его жены»[16].

Пожалуй, меньше всего писали о Роксолане в Турции — упоминания о ней в придворных хрониках отличаются лаконизмом. Современные турки также знают о ней немного, хотя ее имя фигурирует в «Турецкой энциклопедии», «Энциклопедии Ислама» и основных курсах турецкой истории. В 1959 г. специализированный журнал «Бюллетень Турецкого исторического общества» опубликовал на французском языке очерк М. Сокольниковского «Рутенская султанша»[17], в котором автор отстаивает украинское происхождение Роксоланы, а позднее — обширную статью о ней историка Н. Учтюма[18].

Общеизвестно, что Роксолана имела большое влияние на Сулеймана, именно с нее началась эпоха «вмешательства гарема» в государственную политику, которая постепенно привела к упадку Османской империи. В этой связи в 1979 г. турецкая писательница З. Дурукан опубликовала очерк «Гарем Топкапы-сарая», в котором Роксолана изображена в духе старых стереотипов — коварной и беспредельно жестокой. В таком же духе написана пьеса О. Асена «Хюррем Султан», впервые поставленная в 1998 г. на сцене

Стамбульского городского театра. А значительно раньше — еще в 1950 г. — увидела свет книга Ч. Ульчай «Любовные письма турецких султанов»[19], в которой значительное место занимают письма Роксоланы Сулейману, свидетельствующие о ее образованности и безупречном чувстве собственного достоинства. Еще одну сторону ее деятельности представил Г. Али Ихсан в статье «Две султанши-благотворительницы. Жена и дочь Кануни»[20].

Вполне логично, что наиболее полно образ Роксоланы был освещен в украинской литературе. Ряд произведений, опубликованных в XIX и XX вв., в романтическом свете описывают необычную судьбу этой девушки. Именно тогда сложилась традиция называть «поповну из Рогатина» Настя или Анастасия Лисовская. В числе первых появились драма Г. Якимовича «Роксолана» (1869), мелодрама И. Лавровского (60-е годы XIX в.), историческая повесть «Роксолана, или Анастасия Лисовская» О. Орловского, печатавшаяся в 80-х годах XIX в. в «Подольских Епархиальных ведомостях». Были и другие попытки воссоздать образ прославленной султанши художественными средствами. В частности, стоит вспомнить поэму Л. Старицкой-Черняховской.

Начало XX в. ознаменовалось появлением оперы Д. Сичинского «Роксолана» (1908—1909) на либретто И. Луцика, в 1936 г. был опубликован исторический рассказ А. Лотоцкого «Роксолана». Но особым успехом пользовалась историческая повесть, увидевшая свет в 1930 г., автором которой был О. Назарук (1883—1940). Именно она легла в основу сценария 26-серийного сериала, снятого в Украине в 1996 г. Немало страниц уделил Роксолане и академик А. Крымский в своей «Истории Турции» (1924), за что подвергся уничтожающей критике в газете «Коммунист»[21]. Тем не менее, все перечисленные выше авторы не избежали влияния многотомного труда австрийского востоковеда барона Й. фон Хаммер-Пургшталя «История Оттоманской империи» (1827—1835), который крайне негативно оценивал историческую роль Роксоланы.

Очередной всплеск интереса к личности Роксоланы в Украине связан с появлением книги Ю. Колесниченко и С. Плачинды «Неопалимая купина» (1968), в которой целый раздел был посвящен «султанше из Рогатина». Ранее Ю. Колесниченко опубликовал в журнале «Вітчизна» (1966, № 5) материал под тем же названием. А

между тем, годом раньше мюнхенское издательство «Дніпрова хвиля» выпустило в свет роман о Роксолане Н. Лазорского «Степной цветок»[22], и не исключено, что именно он привлек внимание украинских авторов и стал для них творческим импульсом.

В 70-х годах XX в. Л. Забашта создала большую драматическую поэму «Роксолана. Девушка из Рогатина» (1971), а в книгу И. Кныш «Отзвуки времени» (Виннипег, 1972) был включен обширный историко-литературный очерк «Императорская карьера Анастасии Лисовской». Кроме того, за рубежом была опубликована научно-популярная статья Е. Крамара «Прославленная украинка при султанском дворе»[23].

И все же вершиной украинской «роксоланианы», по нашему мнению, остается роман П. Загребельного «Роксолана» (1980), автора которого критик Л. Тарнашинская назвала «первым феминистом в украинской литературе второй половины 20 столетия»[24]. Это многоплановое, написанное умелым пером опытного беллетриста произведение, и не удивительно, что оно продолжает пользоваться большой популярностью у читателей. Глубокий анализ исторического материала, проникновение в суть эпохи и господствовавшей в те времена идеологии позволили автору избежать досадных ошибок и неточностей, которыми пестрят страницы произведений на «ориентальные» темы многих европейских и, в частности, украинских писателей. Роман П. Загребельного и сегодня регулярно переиздается на русском и украинском языках.

Образ Роксоланы продолжает привлекать внимание не только прозаиков, но и современных поэтов, причем не только в историко-нарративных произведениях, но и в философской лирике. Среди тех, кто обращался к фигуре «султанши из Рогатина», — О. Пахлевская, В. Вовк, А. Ирванец, В. Нечитайло, С. Шевченко, Ю. Бедрик, М. Орлич и многие другие.

При анализе этих поэтических произведений складывается впечатление, что многие из них создавались под определенным влиянием знаменитой казацкой «Думы о Марусе Богуславке». И действительно, в судьбах этих женщин немало общего, в особенности в начальном периоде жизни. Однако есть и существенные отличия, к которым мы еще вернемся.

В оценке Роксоланы и ее места в истории украинские авторы разделились, как это обычно и бывает, на два противоположных лагеря. Одни — О. Назарук, Н. Лазорский, Л. Забашта, некоторые поэты — представили ее стопроцентной пламенной украинской патриоткой, все мысли которой — только об украинском народе, православной вере, а главное чувство героини — ненависть к туркам. Другие, такие как Ю. Винничук с его мистификацией «Записки Роксоланы» (1991) и пародийно-эротической книгой «Житие гаремное» (1996), а также П. Романюк в «Галицком меморандуме» (1999), беспощадно клеймят Роксолану, обвиняя ее в «национальной измене», называя «Леди Макбет» и пытаясь представить великую султаншу, которую почитали и перед которой трепетали подданные и двор султана, в качестве одной из «наташ», наводняющих в наши дни бордели Ближнего Востока.

Неудачным нам представляется и термин «роксоланство», о котором в свое время писал П. Загребельный[25] и которым пользуется В. Базив[26]. Это напоминает вопрос из анкет советского периода «Находились ли вы на оккупированной территории?» Юную девушку оставили на произвол судьбы, не сумели защитить те, кто должен и обязан был это сделать, а теперь ей ставят в вину то, что с ней случилось! Еще более курьезно выглядят обвинения в том, что Роксолана не пожелала помочь прославленному казачьему вожаку Байде, захваченному в плен турками. Но ведь в ту пору, когда Байду «цепляли на крюк» в Цареграде, Роксоланы давно уже не было в живых!

Одно совершенно очевидно: хулители Роксоланы не оригинальны в своем «иконоборчестве». Еще в 1926 г. Е. Маланюк гневно писал:

Під сонні пестоці султана
Впивала царгородський чар,
Це ж ти — попівна Роксолана,
Байстріюча мати яничар![27]

Но, как ни странно, хула и грязь не пристают к Роксолане. И на то есть веская причина.

Сегодняшнюю популярность Роксоланы в Украине и пестроту мнений о личности и судьбе «султанши из Рогатина» следует считать

совершенно естественными. Это не что иное, как свидетельство пробуждения нашего национального самосознания.

Но любопытно и то, что к образу Роксоланы и в наши дни продолжают обращаться зарубежные авторы — историки, писатели, кинематографисты. Подобная «живучесть» образа (неважно, со знаком «плюс» или «минус») не может быть случайной. Если бы речь шла о какой-нибудь мастерице дворцово-дипломатических интриг, то хватило бы одной-единственной книжки в глянцевой обложке, чтобы удовлетворить любопытство широкой публики. Исторические источники сведений о Роксолане скудны и практически исчерпаны, однако авторы и исследователи продолжают напряженно всматриваться в этот образ.

Достаточно взглянуть на список вышедших только в последние десятилетия исследований и художественных произведений, в которых Роксолана фигурирует в качестве заметного персонажа. Это и антиисторический роман французского литературоведа К. Клеман «Султанша» (1981), и роман финского писателя М. Валтари «Микаэль эль-Хахим» (1979), носивший во французском переводе название «Слуга Пророка», и обширное историческое исследование сербского ученого Р. Самарджича «Сулейман и Роксолана» (1987), и роман румынских авторов М. Бурады и В. Корбула «Роксолана и Сулейман», опубликованный в Париже в 1987 г., а также романы английского писателя К. Фалконера «Гарем» (1992) и французского автора А. Париса «Последний сон Сулеймана» (1999).

Все упомянутые авторы, даже при современном высоком уровне исторической науки, допускают непростительные фактические ошибки, а нередко и просто тенденциозны. Тем не менее им не удается превратить Роксолану в банальную интриганку и беспринципную оппортунистку: она, подчас вопреки воле создателей этих произведений, выступает как гораздо более сложный образ, как универсальное обобщение, своего рода символ. Отнюдь не украинского патриотизма — таким символом была и остается легендарная Маруся Богуславка. Если бы Роксолана оказалась еще одной «Марусей», ее образ не привлек бы к себе такого внимания в самых разных странах. Она сродни библейским женским образам — таким, как Дебора и Эсфирь; из более поздних образов-символов Роксолане близки Клеопатра и Жанна д'Арк. Разница лишь в том, что

все эти героини относительно линейны, они действуют по плану, составленному извне или внушенному Провидением (как Орлеанская Дева), а Настя, она же Анастасия Лисовская, в одиночестве оказалась перед экзистенциальным выбором и сумела переломить свою судьбу в самых нечеловеческих обстоятельствах. Именно благодаря этому, по нашему мнению, образ Роксоланы приобретает черты универсальности и постоянно привлекает к себе внимание авторов не только в родной стране, но и за ее пределами.

Возможно, Роксолана заслуживает осуждения за некоторые приписываемые ей поступки — такие, как интриги против Ибрагим-паши и других высоких османских сановников, за участие в заговоре против наследника престола Мустафы, которое, впрочем, остается недоказанным, так как до сих пор не известно, существовал ли этот заговор вообще. Ведь и сам Сулейман Великолепный вовсе не был «тряпкой», как кое-кто пытается его изобразить. Все современники подчеркивают его неукротимую волю и решительность, султан мог иметь собственные источники информации и способы разрешения назревших проблем, которые ничем не отличались от распространенных в то время в Европе. Достаточно вспомнить хотя бы историю взаимоотношений английской королевы Елизаветы I и Марии Стюарт. Опираясь на принцип историзма, мы обязаны принять во внимание и то, что Роксолана все это время жила под невыносимым давлением. В случае смерти мужа она и ее дети были безусловно обречены на гибель. Поэтому она стремилась все держать под контролем и при малейшей опасности действовала быстро и эффективно.

Это достаточно ясно показано и в произведениях западных авторов. Все они отмечают ум, силу воли, эрудицию и политическую одаренность Роксоланы, которые она, по их мнению, сформированному под влиянием унаследованных от прошлого стереотипов, использовала исключительно для интриг. Складывается в целом негативный образ, и тут же возникает парадокс: почему же тогда Роксолана, несмотря на все приписываемые ей злодеяния и грехи, наряду с самим султаном остается главной героиней романов и повестей?

Тонкий знаток эпохи, французский ученый А. Кло вообще отвергает большинство обвинений, выдвигаемых в адрес «султанши из

Рогатина»[28]. При всех внутренних противоречиях Роксолана остается символом несгибаемости свободного духа человека, его способности вступить в схватку с судьбой и победить — без всякой мистики и чудес. Каждый из авторов, писавших о Роксолане, не мог не отметить силу ее характера и интеллекта, решимость, глубокое знание человеческой природы, механизмов политики и власти. Осознанно или нет, но им удалось показать, что эта женщина — уникальный феномен, необычайно масштабная фигура, сумевшая самостоятельно утвердить себя в истории.

Нет никаких оснований, да и необходимости считать ее символом украинского патриотизма. Но и стыдиться нашей землячки нам не приходится. И хорошо, что, несмотря на «идеологическое» сопротивление, в память о Роксолане в Рогатине был установлен монумент. Да, она не может считаться фигурой национальной истории, ибо принадлежит истории Османской империи. Но для нас Роксолана — символ непобедимости духа и яркий пример того, что даже в самых безнадежных обстоятельствах следует не опускать руки, а бороться, выживать и верить в лучшее будущее.

Ю. Кочубей

Глава I

Страшная свадьба

Не знаешь поутру, что будет ввечеру

Народная поговорка

1

Был знойный летний вечер 1518 года.

Золотое дневное светило неторопливо скатывалось в самый большой пруд на Подолье, а тот, полный сверкающего света, ласково шелестел мягкими волнами. Вода, словно царица, готовилась отойти ко сну на своем мягком пурпурном ложе. За прудом виднелись темные рвы и белые стены Рогатина и гладкая лента тихой речки Липы.

В этот час из-за синеющей полосы леса на пустынной дороге, ведущей из Львова в Рогатин, показались четыре телеги. В них ехали свадебные гости — старый Дропан, львовский купец, направлялся с семьей в Рогатин женить единственного сына Степана на дочери отца Луки Лисовского, настоятеля церкви Святого Духа, что в предместье Рогатина.

Молодой Степан Дропан, уже два года влюбленный в Настусю Лисовскую, не помнил себя от счастья. Большую часть пути он шел впереди свадебного поезда, а остальные над ним добродушно посмеивались: хоть так, хоть этак, а раньше срока на месте не будешь.

— Не спеши, сынок: не знаешь поутру, что будет ввечеру, — напоминал отец, перенявший эту поговорку от свата, отца Настуси, — тот время от времени наезжал во Львов к брату, священнику при

церкви Святого Юра. Но Степан то опережал телеги, то далеко отставал, чтобы никто не мешал ему предаваться мечтам о счастье. И не слышал и не видел ничего вокруг, кроме своей милой, хоть и не было ее здесь. Не замечал он ни синеватого наряда шалфея, ни яркого горицвета в тени дубрав, через которые он проходил, ни золотистого сумрака березовых рощ, ни пахучей мяты, ни вьющихся плетей ломоноса, ни желто-красных колонн коровяка, ни сныти, ни копытня-стародуба, хоть и шел прямо по ним.

— Для него нынче папоротник цветет... — подшучивая, говорили о парне свадебные гости.

А в его сердце цвела и благоухала любовь.

Снова и снова Степан возвращался в мыслях к тому, как все начиналось и как он впервые увидел Настусю на подворье церкви Святого Юра во Львове. С тех пор жизнь для него слилась в сплошную полосу света, запахов, музыки — и борьбы. Отцу не пришлось по душе его намерение жениться на поповне. Он давно держал на примете для Степана дочку своего торгового компаньона. Да и семья Настуси, принадлежавшая к старинному роду священнослужителей, косо поглядывала на ее замужество с сыном «торгаша». Им нравилась его зажиточность, а вот то, что «лавочник», — претило. Но в конце концов кое-как все сладилось.

Какой же долгой показалась жениху дорога в город, что уже виднелся вдали, к небольшому дому на берегу тихой Липы, рядом с церквушкой Святого Духа!

2

А там их уже ждали, все было готово к свадьбе. Съехались гости со стороны невесты, на подворье стоял шум молодых и старых голосов.

Брат хозяина, отец Иоанн Лисовский, дольше всех противился свадьбе Настуси со Степаном. А причиной тому была долгая судебная тяжба между церковью Святого Юра и семейством Дропанов из-за какой-то земли, и отец Иоанн таил обиду на старого Дропана. Вот и теперь он поспешил выехать из Львова как можно раньше, лишь бы не тащиться бок о бок с «безбожным торгашом», который вздумал судиться с домом Божиим. А помимо того, учинил он еще одну

демонстрацию. Ему хотелось присутствовать на венчании племянницы, но он не мог допустить, чтобы Дропан стал чваниться тем, что он, отец Иоанн, специально явился в Рогатин ради этой свадьбы. Оттого и подыскал в канцелярии львовского владыки кое-какие дела, требовавшие его присутствия в Каменце-на-Подолье, чтоб якобы случайно, по дороге, завернуть на свадьбу племянницы. Слух об этом был заранее пущен во Львове.

Теперь он сидел в саду приходского дома за деревянным столом в тени лип вместе с братом и отцом Феодосием, игуменом ближнего монастыря василиан, что на Чернечей горе. Перед ними стояли три глиняных горшочка, кувшин кислого молока, лежали хлеб и масло.

— Ешь и повествуй, что нового слышно, — обратился к нему отец Лука.

— Не знаю, с чего и начать, — печально отозвался отец Иоанн.

— С дел нашей церкви, — степенно подал голос отец Феодосий.

— Само собой, — отвечал отец Иоанн.

Потянулся, взял ломоть ржаного хлеба, намазал маслом и, снова положив его на деревянную тарель, начал:

— Святую нашу церковь вконец разорили и одолели иерархи-латиняне, а теперь еще и властвуют над нею. — Потом не сдержался, добавил: — А наши торгаши грабят ее и со своей стороны.

— Но и врата адовы не одолеют ее, — набожно заметил игумен Феодосий.

— Так-то оно так, — возразил отец Иоанн, — да только что ни день, все труднее становится дышать. Гордость, лихоимство, разврат, обжорство и пьянство — все без исключения грехи тяжкие видим мы среди чужих. А ведь они правят нашей церковью. И Господь все не выведет ее из-под чужого ярма!..

Львовский священник горько усмехнулся. На это отец Феодосий сказал:

— Так ведь и мы не без грехов. А в особенности губит нас один грех, главный, — лень. Из-за нее нам столь тяжкое искушение. Повидал я свет и разных людей, бывал в Иерусалиме, в Антиохии и на Святой Горе Афонской, но нигде не видал, чтобы так редко брались за книгу, как у нас. Оттого и не научены мы оборонять свою церковь от вражьих посягательств!

— Ты все о своем, отче игумен, — заметил отец Лука. — А я уж тебе не раз говорил и теперь скажу: оно, может, и так, да не совсем. Где же эти книги людям добыть? И за что купить, а? За что? А еще и женатому священнику, да при нынешней дороговизне! Церковные земли присвоили старосты и ксендзы. Татарские набеги вздохнуть не дают. И это никого не печалит! Дивно, что в это лето их здесь еще не было. Но слухи уже доносятся. Крестьяне вконец обнищали и дальше нищают. Мещанство тоже, потому что шляхта взяла всю торговлю в свои руки, хоть и кричит, что это ей «не по чести». А наших священников тут и там на панцину гоняют! Какие уж тут книги?!

Воцарилось тягостное молчание. Отца Иоанна, которому предстояла дорога в Каменец, встревожила весть о надвигающейся опасности. Однако он тотчас успокоился, подумав, что брат, если узнает что худое, непременно сообщит ему об этом перед отъездом.

А отец Лука, переведя дух, продолжал:

— Вот взять, к примеру, меня. Говорят — выдаю дочь за богача. Но ведь и голой ее отпустить не позволю себе. А во что обойдется мне эта свадьба? Один локоть атласа нынче по двадцать грошей, а фаландаша — все тридцать пять. И во что ее одеть? За какие деньги?

Он умолк на мгновение, а затем продолжил, ибо нечего ему было таить от брата и приятеля-игумена:

— А сама свадьба! Какая-то жалкая щука — два гроша, карп — и того больше, гарнец вина — сорок грошей, фунт шафрана — семьдесят, голова сахару — сто пятьдесят, а перец — и все триста. А где байберка[29] шелковая, где кафтаны парчовые? А киндяк[30] хлопчатый вышитый да чинкаторы[31] златотканые? Ведь и сам я, и жена моя должны выглядеть завтра не хуже людей! Вы, отче игумен, одну рясу имеете, так что вас все это не заботит!

— Ты что-то разболтался, как торгаш, — заметил брат. — Уж больно быстро сказалось на тебе новое родство!

— Прошу прощения, — смутился отец Лука. — Но если б вам жена целый месяц только о том и толковала, какие ей к сему дню надобны шелка да шитье, то и у вас накопело бы так, что хоть первому встречному плачься!

— Ну и благодари Бога, что только одну дочь имеешь, да и ту завтра в чужие руки отдаешь, — проговорил брат.

— Я-то благодарю, — отвечал отец Лука. — А вот с какой стати ты так ретиво взялся сватать ее за какого-то убогого? Чтобы горе мыкала, как ее отец мыкает, а?

Тут подал голос игумен:

— Хотите гневайтесь, хотите нет, но я правду скажу! Не будь у нашего священства семей — а с ними и сокрушения о свадьбах, приданом, да фаландашах, да байберках и прочей мирской суете, — то и в борьбе с латинством мы бы выстояли! А землицы наша церковь еще от князей прежних и народа имеет столько, что сотню лет будут братья — и все равно хватит нам! Не в ней дело, братья, а в том, что для борьбы с латинством нет у нас того оружия, коим враг владеет. Истинно говорю, да вы, видать, не хотите познать истину!

С этими словами игумен обернулся к хозяину дома и с сожалением произнес:

— Пусть пошлет Господь счастья твоему дитяти на той стезе, на какую оно ступает. Но разве Богу не было бы угоднее, если б дочь твоя пошла в монахини? Ох и пригодилось бы это дитя нашей гонимой церкви, ибо разумом оно как умудренный муж. Но вы отдаете ее тому, кого сами не любите и не жалуete! И ведь немало у нас монахинь из священнических и панских родов наших. А у ляхов магнаты даже за честь почитают, когда панна из их рода приносит монашеские обеты. Вот чем они нас одолевают! Оттого и чтит народ костел, что видит уважение верхов к костелу. А мы к мирской сласти, как мухи к патоке, липнем! Вот и ждет нас та же доля, что и мух, и сласть обернется лютой горечью. Трухлявеет наша сила, мельчает народ, и спасения ждать неоткуда!

Ситуация стала крайне натянутой. Но игумен, не обращая на это внимания, продолжал:

— Давал народ на нашу церковь, дает и будет давать! Но редко бывает, чтобы нашелся тот, кто с умом управит тем, что дадено церкви! И народ это видит, потому что еще не вконец ослеп. И не только один народ видит, но и соседи. Вот и хватают, что приглянется. А как не взять? Винить во всем врагов — пустая отговорка. А в том истина, что и они были бы в нашей церкви, если б мы сами иначе о ней заботились. Вот она, правда! И не миновать нам Божьей кары за то, что мы правду прячем под спудом. Никто не минует этой кары. И грянет она, ибо сами мы ее призываем!

Брат отца Луки уже отверз уста, чтобы достойно возразить. Но тут послышался скрип — у ворот остановились телеги и возы старого Дропана. Свадебные гости высыпали из них шумной толпой и устремились в сад.

3

Деревья в саду внезапно вспыхнули багрянцем, и словно красный пожар охватил и сад, и церковку Святого Духа, что по сей день стоит на том же месте, и приходский дом при ней, и тихую ленту Липы, и широкий пруд, и поля спелой золотящейся пшеницы, что усмехались небесам синими цветками васильков в ожидании жатвы. Все присутствующие тревожно взглянули на небо — но это была всего лишь вечерняя заря, вспыхнувшая на западе.

В кровавом отблеске умирающего дня шел молодой Степан Дропан, лелея свое счастье в душе. Оживленно блестя глазами, искал он свою Настусю и, наконец, увидел ее в саду в окружении двух подружек, занятую каким-то важным разговором.

— О чем толкуете? — весело спросил он, приближаясь к суженой.

— А вот и не скажем! — смеясь, ответила вместо невесты ее подружка Ирина.

— Не можем сказать, — поправила ее Настуся.

— Потом сами все узнаете! — добавила другая девушка.

— Ну, скажите, не таитесь! — жалобно попросил Степан.

Девушки не решались.

Наконец Настуся, переглянувшись с подружками, открыла Степану секрет: Ирина пригласила цыганку-ворожею, чтобы та перед венчанием нагадала им будущее!

— Только отцу о том ни словечка, а то сильно разгневается! — предупредила Настуся.

Степан дал слово помалкивать.

4

Старый Дропан и его супруга по обычаю первыми приветствовали священников, и отец жениха сразу завел свое:

— Господи! Как же обобрали нас в дороге! Каких-то десять миль, а плачено и мостовое, и плотинное, и перевозное, и пашенное, и ярмарочное, и торговое, и померное, и поштучное, и от полных возов, и от пустых, и на обе руки, и на одну! Шкуродерство и грабеж хуже, чем под турком!

— Кто на свадьбу едет, тот по дороге не приторговывает, — не удержался отец Иоанн, чтоб не уколоть старого Дропана. Но купец был не из тех, кто подставляет другую щеку, с ходу отрезал:

— Уж и не знаю, отче, что богоугоднее: по дороге на свадьбу дело делать, коли нужда есть, или по делу ехать, а по пути на свадьбу завернуть...

Степенная супруга старого Дропана покосилась на него с упреком, отец Лука усмехнулся, а отец Иоанн ничего на это не ответил.

Свадебных гостей, кто постарше, отец Лука пригласил отдохнуть в саду. А младшие мигом исчезли, и Степан Дропан быстрее всех. Отправился искать свою Настусю, чтобы поздороваться с ее матерью.

Сам же отец Лука вышел к лошадям — не только как хозяин, но и как знаток. Любил он подолгу всматриваться в доброго коня, как в запрестольный образ. А понимал в лошадях так, что с одного взгляда мог оценить все достоинства и назвать настоящую цену.

Тем временем Степан обнаружил Настусю в кругу подружек, которые столпились на другом конце подворья вокруг молодой цыганки — та согласилась поворожить невесте. Одна из Настусиных теток — пожилая Катерина — яро противилась затее, твердя, что перед самой свадьбой не годится делать такие вещи. А Настуся весело настаивала:

— Тетушка! Так ведь Бог же сильнее какой-то там ворожки!

— Да, да! — подхватили за ней подружки, а громче всех Ирина, самая близкая. — Что Бог даст, то и сбудется!

Степан запустил руку в карман и неожиданно осыпал ворожею пригоршней мелких монет — это и решило дело. Настуся радостно кинулась к жениху и схватила его за рукав. А цыганка, мигом собрав большую часть денег, вцепилась в ее левую руку и стала пристально всматриваться в ладонь. Тетушка перестала возражать и застыла в напряженном ожидании.

Отрывисто и ломано заговорила цыганка, поглядывая то на лицо, то на ладонь Настуси:

— Твоя муж богатая, ах, какая богатая... Очень богатая!..

— Вот так наворожила! — выкрикнула одна из подружек.

— Это и так всякому ведомо! — добавила другая, поглядывая на Степана.

Тот опустил глаза и смутился. А ворожея вела дальше:

— В жемчугах и рубинах ходить будешь... Шелка дамасские под башмачками твоими... Горюч-камень в волосах твоих, белый атлас на ноженьках твоих, а красная кровушка на рученьках твоих... Ладан и кубеба курятся в палатах твоих... Есть будешь бесценный киннамон, а пить сладкие шербеты... И будет у тебя двое сыновей, как у Евы... и две свадьбы, а муж — один!..

— Ха-ха-ха! — залились девчата.

— Тетушка, тетушка! Целых две свадьбы, а муж — один! Как же это?

Тетка Катерина проворчала: «Ну и намолола, дурная баба!» Потом подняла правую руку над молодыми и неторопливо осенила их крестным знаменем. А Степан тем временем ломал голову, откуда у него могут взяться такие сокровища.

До сих пор цыганка спокойно и даже с каким-то удовольствием всматривалась в нежную ладошку Настуси, а потом, словно испуганная смехом девчат, прервавших ворожбу, вдруг насупилась и другим, почти суровым голосом, заговорила:

— Дальний путь тебе, без мостов и дорог... По чернобыльнику, по грубым кореньям... Где цветет шалфей и первоцвет... Где сон-трава синееет... Где сверкает огнями горицвет и стелется дурман... И перекасти-поле... перекасти-пол-ле... перекасти-пол-л-ле!..

Внезапно она, как в экстазе, остановилась, будто захлебнувшись, и кинулась на землю — собирать остатки рассыпанных грошиков. Затем выпрямилась, заглянула в глаза невесте и, не обращая внимания на Степана, торопливо подалась прочь. Оглянулась на Настусю раз, другой и сгнула за воротами.

Всем, кто стоял на подворье, сделалось не по себе после ее ухода. Первой заговорила старая Катерина:

— Это, дети, так всегда ворожат молодой перед венчаньем: и что богатая будет, очень-очень богатая, и что дорога ее ждет дальняя, и что

сыновья у нее будут, и что будет ей и весело, и грустно, как во всякой жизни случается...

Настуся на это только улыбнулась и запела:

Ой, утоптана дорожка,
Посыпана житом!
Кто подскажет, как мне будет
За Степаном жити?..

И слегка прижалась к нареченному. Радость ее передалась парню. Лицо его прояснилось, и он в ответ весело пропел:

Ой, утоптана дорожка,
Горы да мочары!
А кто ее протоптал,
Любонька, ночами?

— Ты, ты, ты! — ласково молвила Настуся и повела жениха к матери. За ними разноцветным потоком молодежь хлынула в дом, потому что уже совсем стемнело и близилась ночь.

5

И ночь эта должна была стать для Настуси последней в отчем доме. И одной из последних на родной земле...

Она словно чувствовала это. Уж слишком пристально осмотрела свою скромную девичью светелку, единственное окно которой выходило на луг над Липой. Еще раз взглянула на свадебное платье и вещи, которые собиралась забрать с собой во Львов. Кое-что отложила в сторону, чтобы взять, когда в следующий раз придет в Рогатин. Среди отложенного были и две книги — те, что перечитала чуть ли не два десятка раз, — «Повесть о Китоврасе» и «Повесть дивная о царе Соломоне».

Уснула поздно. В полусне чудилось ей, будто кто-то напевает бессвязные обрывки свадебных песен:

Благослови, Боженька,
Первую дороженьку!

Мы идем за барвиночком
Настусеньке на веночек...
Зельюшко посажено
Тонкое, высокое,
С листиком широким...

И хоть характер у Настуси был легкий и веселый, переломный момент в жизни подействовал на нее так сильно, что проснулась она как в тумане. Дрожь ожидания и страха перед неведомым наполняла все ее существо. Гомон свадебных гостей только усиливал ее тревогу.

Успокоилась она уже перед самым выходом из дома, когда была совсем готова к венчанию.

Венчать молодых должен был отец Иоанн, львовский дядя Настуси.

Около полудня гости и молодые вышли из дома и направились к церкви Святого Духа.

Но в то самое мгновение, когда Настуся с друзьями ступили на нижнюю деревянную ступень церкви, что-то случилось. Что именно — никто из участников свадьбы в первое мгновение не мог сказать точно.

До них донеслись отдаленные крики — прерывистые, гортанные, пронзительные.

Охваченные тревогой, люди засуетились и начали инстинктивно озираться в поисках укрытия. Затем кто-то крикнул:

— Татары идут!

— Алла-ху!.. — слышались неистовые вопли уже на их улице. Свадебная толпа вмиг рассыпалась, поднялся страшный переполох. Каждый бежал куда глаза глядят — кто в сад, кто в проход между хатами, кто в заросли камыша и аира у реки.

Настуся, бросив дружек, ухватилась за своего суженого. Всего на мгновение они оба, будто окаменев, застыли неподвижно перед распахнутыми воротами ярко освещенной церкви. Мелькнула мысль — вбежать в храм, довериться покровительству Святого Духа, но надеяться на чудо сейчас не приходилось, и оба опрометью кинулись в сад.

Тем временем улицу уже заполнили татарские всадники. Издавая дикие вопли, неслись они вперед. Нечесанные гривы и хвосты их коротконогих неказистых коней-бакематов[32] вздымали пыль. Многие

из приглашенных на свадьбу уже попались им в руки и теперь волочились на волосяных арканах. На оболони — низине за садом — тоже было полно татар, которые гонялись за одинокими беглецами верхом, а иные и спешившись. В хлевах ревела скотина, там и сям занимались пожарища — татары поджигали разграбленные дома предместья Рогатина.

Но город пока держался, готовясь к обороне. Вдали слышались звуки труб и рогов, гремел тревожный набат с колоколен рогатинских церквей.

Охваченная ужасом, Настуся сомлела и прямо в белом подвенечном платье безвольно осела на пыльную дорогу. А Степан, упав на колени, стремительно подхватил невесту...

И белый свет оборотился тьмой для них двоих.

Глава II

«Ой, торным шляхом килиимским, Ой, диким полем ордынским...»

Там в долине огни горят, Там татары полон делят... Один полон с жиночками, Другой полон с девочками...

Из народной песни

1

...Настуся почувствовала, как в лицо ей плеснули студеной воды. Очнувшись, она открыла глаза. Какое-то мгновение она не осознавала, где находится и что происходит вокруг. Над ней склонились две мужские фигуры, с черными раскосыми глазами, редкими усиками и выступающими скулами, в остроконечных шапках, с луками за плечами и в черных овчинных кожухах шерстью наружу. Грудь девушки сжал нестерпимый страх, который в следующее мгновение превратился в отчаяние. Невыносимые ужас и отвращение заполнили все ее тело, заплескались в глазах, стиснули горло, перехватили дыхание.

В голове промелькнула мысль, что она пленница, находится в руках татар, и эти полудикие всадники с желто-смуглыми лицами могут сделать с ней все, что пожелают.

Настуся с трудом отвела взгляд. И только тогда обнаружила, что лежит на какой-то насыпи недалеко от лесочка. А рядом сидят или дремлют в забытьи другие молодые женщины и девушки. Отыскала несколько знакомых лиц — городских девчат, но подружки Ирины

среди них не заметила. Поодаль лежали и сидели мужчины, связанные волосняными веревками и сырмятными ремнями, и она сразу же увидела среди них своего Степана. Он напряженно всматривался в женский полон, и Настуся почувствовала, что он ищет ее среди пленниц.

Одновременно она подумала о том, что случилось с ее отцом и матерью, с подругами, с ее свадьбой... Все, все рассыпалось, как разбитое стекло, исчезло, будто сон.

Родной город Рогатин, с его стенами и домами, был не виден отсюда. И он сгинул, как сон.

Что ее ждет?

Эта мысль озарила ее голову, как багрянец, который появлялся на крыше их дома с первыми лучами нового дня.

Татары расхаживали между пленниками, раздавали какие-то приказания, тут и там со свистом взлетали в воздух нагайки. Стоны и крики наполняли воздух. Настусю немного утешало только то, что их, взятых в полон, очень много и ей будет с кем делить горькую невольничью долю...

2

Вечерело. Ночь куталась в нежную кисею таинственной печали. В ближних зарослях мягко мерцали огоньки светлячков — они были свободны, летали себе и светили. А где-то вдали догорало зарево пожараща.

Татары развели большие костры. Должно быть, их было много, они чувствовали свою силу и ничего не опасались. Сегодня они захватили многолюдный полон. Странное дело — в нем оказалось множество новобрачных, молодых парней и девушек. И как раз в этот час их принялись разделять. Настуся не понимала, какой смысл в таком разделении, и только молча наблюдала.

В темном небе нет-нет, да и мелькали падучие звезды-метеоры, временами казалось, что идет настоящий звездный дождь. А Настуся загадала всего одно желание: жить, жить, выжить — любой ценой выжить, даже в беде и в унижении, в татарской неволе! Потому что

мир вокруг был такой красивый-красивый! А она еще такая юная, совсем юная!..

Огни, что мерцали на земле и в небесах, придавали ее первой ночи в неволе какую-то зловещую красоту. А грозные и дикие татарские лица вокруг, с их раскосыми глазами и островерхими шапками, вызывали у нее приступы доселе неведомого ей всеобъемлющего ужаса. Из зарослей доносились крики девчат и женщин, над которыми измывались дикари. Только здесь Настуся поняла смысл проклятия, которое иной раз слышала на базаре от ссорящихся торговков: «А чтоб тебя замуж выдали на Диком Поле ордынском!..» И еще поняла она, что и в несчастье случается удача: подобное обращение ей пока не грозило, потому что предводители татар уже обратили на нее внимание, сочтя особенно ценной добычей, и до поры оставили в покое.

3

Утром с восходом солнца татарский лагерь вместе с полоном снялся с места и двинулся на восток. Пленные мужчины шли связанными, а женщины — в окружении многочисленной стражи. Некоторые из них, измученные и до смерти напуганные, уже не могли идти. Их погрузили в черные обозные мажи[33] и везли следом за караваном. Больных и раненых мужчин добивали на месте. Поэтому каждый из последних сил пытался остаться на ногах.

Настуся шла пешком в толпе молоденьких девчат. Шла в своем подвенечном наряде, только веночек где-то потеряла. Молитва, с которой она обратилась к Богу на рассвете, немного успокоила ее. И если б не голод и сумрачные, полные печали лица вокруг, могла бы чувствовать себя почти хорошо.

Позади слышалось фырканье коней татарской стражи, которая время от времени заезжала то с одной, то с другой стороны и присматривалась к полонянкам. При этом всадники во весь голос обсуждали каждую из них, уделяя особое внимание молодым девушкам. Настуся не понимала, о чем они толкуют, но заметила, что татары принимались особенно громко рассуждать о достоинствах девушек, как только рядом с ними появлялся какой-то турок.

Среди подружек по несчастью Настуся выглядела самой спокойной. Она быстро усвоила, что полная невозмутимость и чувство достоинства способны заставить даже дикую татарскую стражу относиться к ней с уважением. И не ошиблась: те, указывая на нее своими ременными плетями, частенько повторяли: «Хуррем!»

Она решила, что «хуррем» означает что-то вроде «спокойная», «беззаботная» или, может быть, «веселая». Не знала только, по-татарски это или по-турецки.

Это было первое слово из языка грабителей и торговцев живым товаром, которое она запомнила.

Татары довольно часто делали короткие привалы и спешивались, чтобы дать коням передохнуть и подкрепиться. К тому же, им приходилось ждать, пока подтянутся стада захваченного рогатого скота и овечьи отары. Тогда и пленники могли перевести дух.

4

Около полудня, в самую жару, татары устроили более продолжительный привал. Стали готовиться к обеду. Настусе стало интересно, как же будет выглядеть первый татарский обед. Но уже по приготовлениям стало понятно, что мужскому полону не достанется ничего — еду получит только женский. Ох, как же ей хотелось поделиться со своим Степаном, но для этого не было ни малейшей возможности.

А татары тем временем расставляли казаны и разводили огонь. Тащили из возов мешки с награбленной мукой, замешивали тесто, добавляя конскую кровь, раскатывали колбасами и бросали в кипящую воду. Потом, показав полонянкам, как нужно делать, приставили некоторых из них к этой работе. Выбирали, смеясь, одних невест — тех, кого схватили в подвенечных платьях. Среди них оказались Настуся и одна польская панночка, которую из-за ее блестящего платья тоже приняли за «молодую». Поначалу полька упиралась, но, отведав сыромятной нагайки, принялась усердно месить муку с конской кровью.

Тут в отдалении поднялся гомон. Один из коней внезапно рухнул на землю и издох. Татары с радостными воплями кинулись к нему и

начали кромсать падаль ножами. Всю ее, кроме мясистой задней части, было велено сварить в соленой воде, а заднюю часть нарезали тонкими пластами и уложили под седла. Настусе сделалось дурно при виде их приготовлений, но еще хуже ей стало от мысли, что с этими людьми ей придется жить — и кто знает, как долго! Несмотря на голод, она так и не смогла заставить себя прикоснуться к «яствам». А татары за обе щеки уплетали вареную падаль и колбасы из конской крови с мукой.

Мало кто из полонянок отведал татарской еды. Стража насмехалась над теми, кто не ел, — мол, не понимают вкуса. Среди общего хохота, как бы «в шутку», щедро сыпались направо и налево удары нагаек и бичей.

После отдыха лагерь снова тронулся в путь.

5

На следующий день Настуся также не смогла прикоснуться к татарской стряпне. Пила одну только воду. И так ослабела, что не могла уже идти, но боялась, что ее заподозрят — мол, притворяется. Поэтому из последних сил держалась на ногах.

Но ближе к вечеру все-таки упала — в степи у села Панталиха. Словно сговорившись, почти одновременно с ней упали на пыльный шлях еще несколько полонянок. Над степью стояла тяжелая жара. Татары остановили толпу пленников...

Настуся, находясь в полубессознательном состоянии, получила несколько жестоких ударов бичом, а затем почувствовала, как ее подняли и швырнули в какую-то повозку, на жесткие доски. Бичи из полос сыромятной кожи с узлами причиняли страшную, долго не утихающую боль. От этой боли она извивалась и корчилась, а жесткие доски только усиливали ее. Лишь под головой Настуся почувствовала что-то мягкое, а пальцы ее ног сквозь расплзшиеся свадебные башмачки коснулись какой-то плотной ткани. В горячке она решила, что это ризы из церкви Святого Духа. Какая-то дымка застилала ей глаза, и чтобы избавиться от этого, она с усилием широко распахнула их. И увидела то, о чем поется в народной песне:

Одну взяли при конях,
При конях да на ремнях...
Другую взяли при возу,
При возу на мотузу...
Третью взяли в черной маже...

Она лежала в черной скрипучей маже, и ей казалось, что это гроб.
И в этом черном гробу похоронено все ее девичье прошлое.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ